

Последующие соглашения и последующая практика в связи с толкованием договоров

Исходим из желательности прогрессивного развития соответствующих положений Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года для установления принципов и иных правил толкования международных договоров.

В отношении пункта 2 проекта вывода 2 вызывает определённые сомнения необходимость дословного повторения соответствующих формулировок Венской конвенции. Как представляется, несколько больший акцент в этом и других выводах (либо в комментариях к ним) следует сделать на раскрытии значения используемых в Венской конвенции и проектах заключений терминов («добрая воля», «обычное значение терминов» и т.д.).

Считали бы весьма интересными как с академической, так и с практической точек зрения, выводы Комиссии относительно специфики толкования международных договоров в зависимости от их вида либо «природы».

Хотя указанные в проекте вывода 3 ситуации (последующая практика, молчаливое соглашение и нарушение) не являются исчерпывающими, однако их исследование и разграничение внесёт серьёзный вклад как в разработку данной темы, так и в проблематику толкования международных договоров в целом.

Разграничения понятий «последующее соглашение» и «последующая практика» в проекте вывода 4 нуждается в дальнейшем исследовании. В частности, вызывает сомнение релевантность практики, не свидетельствующей о наличии соглашения, для целей толкования международного договора как процесса установления согласованных намерений заключивших его государств. Последующее поведение государства-участника договора служит надлежащей основой для толкования договора лишь в том случае, если оно возникает в процессе имплементации договора и принимается во внимание другими его участниками. Не считаем необходимым условием для рассмотрения соглашения в качестве «последующего соглашения» прямое указание на то, что оно касается толкования договора. По нашему мнению, любое соглашение, входящее в общую систему «основного договора» (через преамбулу, обусловленное вступление в силу и т.п.) может рассматриваться в качестве «последующего соглашения».

Пункт 1 проекта вывода 7 предложили бы дополнить определением концепции *modus vivendi*, как «временная и исключительная мера, не затрагивающая общего обязательства по международному договору». Поддерживаем проект вывода 7.3 и последовательно выступаем за то, чтобы добросовестное толкование в той или иной форме не подменяло существующую процедуру внесения поправок в договор.

В проекте вывода 8 по вопросу «эволюционного толкования» вряд ли можно выделить какие-либо формулировки либо категории международных договоров, *a priori* указывающие на их характер как «эволюционирующих». В нашем понимании определённым ориентиром здесь может послужить принцип недопустимости толкования, приводящего к явно абсурдному результату. Считаем наиболее прагматичным и правильным подход, в соответствии с которым определяющими критериями для возможности «эволюции» положений договора являются, во-первых, степень обобщения его формулировок, и, во-вторых, срок действия договора. Обобщённые нормы договора, заключённого на неопределённый срок с большей вероятностью рассчитаны на «эволютивное» толкование, чем более конкретные формулировки договора, срок действия которого ограничен. Кроме того, хотели бы более чётко разграничить ситуации, в одной из которых практика сторон служит уточнению содержания нормы договора (то есть возможность такого уточнения уже существует), а в другой практика лишь указывает на такую возможность.

В комментарии к проекту вывода 9 предлагаем дать чёткое разграничение между повторяющейся практикой как средством толкования международного договора и практикой, ведущей к формированию нормы международного обычного права и, соответственно, к фактическому изменению режима, созданного на основании международного договора.

Нашедшее отражение в пункте 2 проекта вывода 10 мнение о том, что «молчание одного или нескольких участников может представлять собой принятие последующей практики в тех случаях, когда обстоятельства требуют определённой реакции» должно быть уточнено. В частности, необходимо закрепление условий о том, что сторона, принимающая практику вследствие своего молчания, могла располагать информацией о такой практике, осознавать её последствия для толкования, иметь объективную возможность заявить несогласие с такой практикой.

В качестве общего соображения по части четвёртой проектов выводов следует подчеркнуть исключительную роль государств и их практики в вопросах толкования международных договоров. Для данных целей практика международных судебных имеет значение лишь в той мере, в какой они

действуют в рамках полномочий, предоставленных им государствами. Что касается ученых, квазисудебных органов, экспертных договорных органов, неправительственных организаций, то полагаем, что результаты их работы могут иметь справочно-информационное значение, облегчать выявление и анализ практики государств.

К договорам, являющимся учредительными документами международных организаций (вывод 12) в целом применимы все нормы, касающиеся международных договоров как таковых. Специфика таких международных договоров и их толкования, в нашем понимании, заключается в сравнительно более регламентированном и формализованном порядке взаимодействия государств-участников учредительного документа. Кроме того, определённое воздействие на эту практику оказывает участие в ней других субъектов, таких как секретариат и иные постоянные органы международной организации.

По отношению к «собственной практике» международной организации (выводы 12.2. и 12.3.) **как средству толкования учредительного акта такой организации** разделяем позицию о том, что такая практика не может подменять собой для целей толкования практику государств. Мы не склонны противопоставлять государства-члены и созданную ими и подотчётную им международную организацию. Следовательно, практика международной организации заслуживает внимания для целей толкования только в том случае, если она **осуществляется государствами** в представительных органах международных организаций, в том числе в органах ограниченного состава, и поддерживается подавляющим большинством членов организации. При этом следует чётко отметить, что **неправомерная практика** (в первую очередь, ситуации превышения уставных полномочий органами организации), естественно, **не имеет никаких правовых последствий**, в том числе и для целей толкования (*Ex injuria jus non oritur*).

Полагаем, что было бы целесообразно более чётко изложить отмечаемые особенности практики международных организаций непосредственно в выводе 12 Комиссии, а не в комментариях к нему.

По проекту вывода 13 придерживаемся подхода о том, что определяющим для толкования договора является коллективная либо, в определённых случаях, индивидуальная позиция его участников. В этой связи мы высоко оцениваем точность формулировок, использованных в проекте вывода. Факт ссылок на документацию договорных органов в резолюциях, в том числе принятых консенсусом, не может расцениваться как согласие государств с содержанием этой документации. Как правило, ссылки носят информативный характер без какой-либо оценки документов, на

которые ссылаются. Нельзя истолковывать молчание государства в качестве согласия с выводами договорных органов. В целом выступаем за чёткое разграничение для целей проекта заключения практики государств (в том числе, и в отношении договорных органов) и документы договорных органов, которые, как правило, готовятся для конкретной ситуации и не подходят для целей толкования международного договора. Международный договор применяют (и при этом осуществляют толкование) только государства – участники.